

**Читать Андрея Платонова:
диалектика философских смыслов в повести
«Котлован»**

Н.Б. Афанасов

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

Статья предлагает читателю обратиться к повести «Котлован» Андрея Платонова с позиции диалектики философских смыслов. Отталкиваясь от предложенной Густавом Шпетом методологии «цельного познания», автор предпринимает попытку понять философское содержание повести, исходя из внутренней логики философского мироощущения Платонова. «Котлован» рассматривается в качестве, с одной стороны, уникального произведения, репрезентативного для понимания философских мотивов творчества писателя. С другой стороны, статья обращается к философской оптике марксизма, который составлял интеллектуальный фон творческой работы Андрея Платонова. В конечном итоге автор предлагает рассмотреть три вида диалектики философских смыслов: диалектику утопического мышления, диалектику отчуждения и диалектику счастья. На материале рассмотрения диалектики утопического мышления показано, что повесть «Котлован» можно понимать в качестве негативной стадии мышления об утопии, что выводит произведение из сугубо историко-литературного контекста и позволяет прочитывать его в современном философском ключе. Диалектический смысл отчуждения показан на противопоставлении материального и духовного. Творчество Платонова, как большого и философствующего писателя, может быть интересно для поиска подходов к решению бессмысленности материального и беспочвенности духовного в современности. В завершение рассмотрения автор показывает необходимость мышления о счастье через постановку вопроса о всеобщей справедливости и возможности мечтать в, казалось бы, ужасающем мире.

Ключевые слова: Андрей Платонов, Густав Шпет, марксизм, диалектика, социальная философия, русская философия, отчуждение, утопия.

Афанасов Николай Борисович – младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

Для цитирования: Афанасов Н.Б. Читать Андрея Платонова: диалектика философских смыслов в повести «Котлован» // Философские науки. 2020. Т. 63. № 5. С. 67–86.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-5-67-86

Reading Andrei Platonov: The Dialectics of Philosophical Meanings in *The Foundation Pit*

N.B. Afanasov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses Andrei Platonov's novel *The Foundation Pit* from the viewpoint of the dialectics of philosophical meanings. Proceeding from Gustav Shpet's methodology of "coherent cognition," the author undertakes an attempt to understand the philosophical meaning of the novel, which should be considered in the framework of Platonov's philosophical worldview. From the one hand, *The Foundation Pit* is analyzed as a unique work that is representative for understanding the philosophical motives of the writer. From the other hand, the article applies to the philosophical optics of Marxism, which formed the intellectual background of Platonov's work. As a result, the author proposes to consider three types of philosophical meanings: the dialectics of utopian thinking, the dialectics of alienation, the dialectics of happiness. On the material of the analyses of the utopian thinking, it is shown that *The Foundation Pit* could be understood as a negative stage of utopian thinking, which extracts the novel from the literary context and provides it with more contemporary meaning. The dialectical sense of alienation is demonstrated on the opposition of the material and spiritual. As an outstanding and philosophical writer, Platonov provides clues for the search of the approaches to solve the problem of senselessness of the material and groundlessness of the spiritual in the modern world. In the conclusion, the author shows that it is necessary to think about the happiness through the question of universal justice and it is possible to dream in seemingly awful world.

Keywords: Andrei Platonov, Marx, Gustav Shpet, Marxism, dialectics, social philosophy, Russian philosophy, utopia.

Nikolai B. Afanasov – Junior Research Fellow at the Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

For citation: Afanasov N.B. (2020) Reading Andrei Platonov: The Dialectics of Philosophical Meanings in *The Foundation Pit. Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 5, pp. 67–86. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-5-67-86

Введение

Русская литература – это особое пространство философской мысли [Пружинин, Щедрина 2019, 10]. В противовес критической позиции, утверждающей, что образное мышление уступает по глубине своего охвата строгому понятийному дискурсу, мы придерживаемся иной точки зрения. Художественная литература во многих аспектах не только равноценна философскому размышлению, но и способна преодолевать, и преодолевает ограниченность наукообразной формы изложения. Более того, русская мысль, существовавшая на страницах художественных произведений, не уникальна в этой своей особенности: многие другие европейские философские традиции обращались к поэтической форме или к форме романа [Boldyrev 1994, 138]. Проект философии как строгой науки остался в прошлом, но чаяния человеческой души продолжают подталкивать людей к поиску смыслов социального. Подчас только дискурсивный уровень литературы, оживляющий воображение и провоцирующий мысль в ее столкновении с неизвестным, помогает ухватить противоречивость и сложность существования.

Как правило, когда говорят о великой русской литературе, подразумевают главным образом писателей XIX в. Семен Людвигович Франк так охарактеризовал интеллектуальное значение литературы того периода: «Глубочайшие и наиболее значительные идеи были высказаны в России не в систематических научных трудах, а в совершенно иных формах – литературных» [Франк 1996, 163]. Подобное утверждение по меньшей мере должно избавить нас от скептицизма по отношению к попыткам поиска продуктивных смыслов в художественных произведениях. Впрочем, нам следует всерьез задаться вопросом о том, какое значение имеет эта мысль русского философа для нас сегодня? Ее идея отнюдь не в том, чтобы высказать дежурную, пусть и заслуженную, похвалу произведениям Пушкина, Достоевского или Толстого. Одним из важнейших следствий этой констатации

особенностей существования русской философской мысли будет необходимость продолжения научной и философской работы с идеями и текстами писателей.

Обратимся к методологическому подходу Густава Шпета, который, размышляя об особенностях логики истории, пришел к пониманию знания как цельного феномена. Речь идет об универсальной логике феномена познания [Щедрина 2016, 10]. Познавательная деятельность в самой своей сути глубоко исторична и укоренена в языке. Феноменологический подход, который развивал Шпет, в его интерпретации фиксирует необходимость исторического сознания индивида и обладания им языком. В противном случае сознание было бы обречено на существование в хаотичном потоке образов и переживаний, которые не имели бы для него никакой значимости. Никакая «вещь», к которой можно было бы вернуться, вне языка и истории невозможна. Иными словами, у сознания всегда есть собственник [Шпет 1994], который существует как протяженное во времени и истории бытие. Смыслы его жизненного мира конституируются преломлениями и отражениями хода большой истории. Само знание, в основе которого лежит философская рациональность, также включено в эту историческую логику: «Идеи вне истории умирают» [Афанасов 2018, 107]. Каждая эпоха должна продумывать идеи прошлого, извлекая лучшие и самые продуктивные из них для настоящего и будущего. Только так живет настоящая история и, соответственно, существует философия.

Мир Андрея Платонова сильно отличался от той реальности, в которой живет современный человек. Можно предположить, что особенности его поэтического языка остаются непонятными для многих читателей. Та историческая эпоха, в которой жили, мечтали, страдали и умирали его герои, ушла. Термин «коллективизация», о которой Платонов пишет в повести «Котлован», уже следует снабжать специальной сноской на критический аппарат, если издание обращено к широкому кругу читателей. Чтобы идеи жили, их нужно понимать, исходя из той исторической перспективы, в которой находится читатель. Славой Жижек, Франк Руда и Агон Хамза предприняли проект реактуализации философии Карла Маркса с такой установкой: «...нужно не оценивать значимость Маркса с точки зрения исторической ситуации, а продемонстрировать значимость марксистской точки зрения для уникальной исторической ситуации» [Жижек, Руда, Хамза 2019, 13].

В нашем рассмотрении мы будем руководствоваться именно этим принципом. В статье мы попытаемся показать, как именно большие философские идеи существовали и осмыслялись в повести Андрея Платонова «Котлован» и имеет ли это какой-то не историко-философский смысл для исследователей и людей, живущих в современной культуре.

Диалектика утопии

Внимание к социальному осмыслению реальности в повести «Котлован», а соответственно, и основной предмет нашего исследования в этом произведении, может быть рассмотрен в нескольких аспектах. Творчество Андрея Платонова гомогенно в своих философских интересах. Испытав влияние, с одной стороны, русской философской мысли через творчество Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Вл. Соловьева и Н. Федорова, а с другой стороны – философских работ Ф. Ницше, Л. Фейербаха, О. Венингера и А. Богданова [Вьюгин 2000, 7], писатель на протяжении всего своего жизненного пути так или иначе обращался к определенному набору тем, которые волновали его больше всего. Принципиальная сюжетная незавершенность многих его произведений подтверждает вышеприведенный тезис. Платонова волновали одни и те же вопросы на протяжении десятков лет именно потому, что он не мог найти на них удовлетворившего бы его ответа [Seifrid 2009, 39]. Ключевые из них – осмысление утопических проектов марксистской мысли, диалектика материального и духовного, противопоставление природы и производительного начала в человеке, проблема справедливости смерти, пределы и условия отчуждения, а также сама возможность человеческого счастья.

Повесть «Котлован» стоит в одном ряду с другим важнейшим произведением Андрея Платонова «Чевенгур». Их сходство не только тематическое, но и поэтическое. Помещая эти произведения в ракурс философского рассмотрения, отметим, что речь идет о специфическом виде «утопии». Такая постановка вопроса может вызвать недоумение у читателя. Описание ужасной действительности послереволюционной России 20-х гг. XX в. и времени «великого перелома» скорее отсылает нас к жанру антиутопии. Подобная интерпретация творчества Андрея Платонова имеет эвристический потенциал, поскольку помещает его работы в контекст литературы начала XX в. [Неретина, Никольский, Порус 2019, 7].

Для нас же важна констатация того факта, что «Котлован» может быть понят не как антиутопия, а как диалектическая стадия утопии. Под диалектикой в контексте нашего рассмотрения мы понимаем противоречивость и принципиальную асинхронность состояний, когда вне целого контекста невозможно сделать вывод о частном [Schaff 1960, 244–246]. По меньшей мере вся сюжетная канва повествования и рефлексия героев повести свидетельствуют о том, что их действиями руководит желание построить лучший мир для будущих поколений, не отравленных историческим опытом соприкосновения с враждебными классами, которые не могут привнести в мир ничего, кроме показавшего свою историческую несостоятельность буржуазного комфорта.

В подтверждение тезиса о том, что повесть «Котлован» следует рассматривать через философскую оптику утопического мышления, остановимся на некоторых основополагающих моментах повествования. Тема строительства и архитектуры вообще необычайно важна для утопии. Утопия строится и воплощается в зданиях [Coleman 2014, 4, 16], будь то дворцы, столовые для бедняков или общепролетарский дом. Само замечание Платонова в конце повести свидетельствует об отсутствии ненависти к описываемому им положению дел: «Автор мог ошибиться, изобразив в виде смерти девочки гибель социалистического поколения, но эта ошибка произошла лишь от излишней тревоги за нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению не только всего прошлого, но и будущего» [Платонов 2000, 116]. Это чрезвычайно важное для понимания произведения замечание. Рассматривать «Котлован» как сатиру и критику самого социалистического проекта бессмысленно. Платонова беспокоит реализация и становление социализма, его перспективы, но не изображение омерзительной и бесчеловечной действительности.

Для наиболее известных и влиятельных философских утопий характерен троп путешествия [Сидорина 2013, 9]. Обычный человек в результате бедствия или, наоборот, удачи попадает в другое государство, изолированное от внешнего мира. Там он сталкивается с совершенно другим порядком вещей, который поражает его. Художественная сила такого приема в том, что читатель утопии отождествляет себя с героем, попавшим в другой мир, вместе с ним восхищается устройством идеального общества. Чтение «Котлована» также сродни путешествию на географическую окраину социалистической России, в другое время. Однако нас

поражает не то, как технически или материально организован этот мир, но то, какие удивительные люди и *существа* его населяют.

Основные персонажи повествования и ход их мыслей абсолютно чужды современному порядку вещей. Речь идет не о культурном туризме, когда мы погружаемся в другую «естественную» культуру. Ведь общество «Котлована» насквозь искусственно в том виде, как мы имеем доступ к его самолегитимации в головах главных героев. Оно противопоставлено естественности дореволюционной жизни, которая во многом является само собой разумеющейся и для современности. Частная собственность, мотивация и энтузиазм, связанные с личным успехом, постоянная спешка и желание занять себя делами продолжают оставаться основными константами жизни [Вайсман 2019, 17]. По косвенным признакам мы определяем, что жизнь деревни и города до того, как произошла социалистическая революция, была именно такой. Крестьянам жалко своих лошадей, они предпочитают их забить и объедаться их мясом, но не отдавать свою собственность в коллективное пользование. Любопытно отметить, что изображение крестьян, объедающихся кониной, сделано так, чтобы вызывать у читателя отторжение, но не симпатию. Платонов в данном моменте не на стороне частной собственности, но на стороне реалистического изображения человеческого горя.

Эти наблюдения важны для нас, поскольку утопическое мышление подразумевает изменение не только материальной базы общества, но и духовной жизни граждан. В этом аспекте «Котлован» дарит нам целый ряд выдающихся образов и личностей. Однако прежде чем перейти к завершению аргументации нашего тезиса об утопическом характере повести «Котлован», остановимся на антиутопической коннотации работы. На английский язык «Котлован» был переведен как «The Foundation Pit». Проблема этого перевода, на которую указывают зарубежные исследователи, в появлении ложных коннотаций. Английское слово «pit» входит в смысловой ряд описания ада. Однако от таких ассоциаций предостерегает читателя и теоретико-американский славист Томас Сайфрид, поскольку это упраздняет диалектический и многомерный характер смыслов в произведении [Seifrid 2009, 105]. Помимо этого, подчеркивается фундаментальный переходный принцип устройства котлована в строительном смысле, который выступает лишь частью проекта. Учитывая последовавший опытстроек коммунизма, современному исследователю известно, что

большинство строек будет завершено, даже несмотря на все те страдания, которые претерпят строители в бесконечных котлованах.

Возвращаясь к персонажам повести «Котлован» и их особым модусам мышления, бегло артикулируем основные их особенности, интересные нам для подтверждения нашего тезиса об утопической структуре повести. В заблуждение нас может ввести герой Вощев, который постоянно находится в раздумьях, и кажется, не может полностью найти себе место в новой реальности. Собственно, его интерпретация как главного персонажа повести должна быть поставлена под сомнение. На сюжетном уровне его деятельность отнюдь не самая важная и даже не самая интересная. Его фигура не утопическая, поскольку он не является полноправным актором новой системы. В этом смысле его сомневающаяся природа равноценна и консервативному крестьянству, и фигуре самого читателя текстов Платонова, который либо застал до-революционную Россию, либо живет в России после падения социализма.

Наиболее интересными «утопическими» характерами предстают Чиклин и Миша-Медведь-Молотобоец. Что же такого особенного в них, что отделяет их от привычного мира? Они совершенно растворены в процессе построения нового общества, лишены исторической памяти. Миша, или медведь, – то ли рабочий, то ли зверь, персонифицирует животную, нерелексивную природу труда. Он растворяется в своей силе и мощи, лишается человеческих потребностей ради построения будущего. Метафора животного является еще одним свидетельством глубокого понимания марксизма Андреем Платоновым [Морозов 2019, 321]. Молотобоец – воплощение чистого материализма, и это тоже тема романа; слияние природы и духа, поставленного на службу истории.

Чиклин чем-то напоминает Медведя, хотя это и не столь очевидно. Во-первых, он явно силен, так как способен руками убить человека. Его психическая организация подразумевает целесообразность происходящего, он способен как пережить убийство, так и лицезреть страдания крестьян. Именно он будет копать могилу девочке Анастасии, которая должна была бы унаследовать будущее. Диалектика негативности утопического мышления здесь доходит до своего предела. В котловане для общепролетарского дома, где трудились рабочие, появляется еще один уровень, на этот

раз подземный. В самом основании будущего общества располагается гробница, «пропасть» (слово, многократно использованное Платоновым). Но это не только гробница прошлого или природы-пустыря, но и гробница будущего. Котлован оказывается способом понять негативную природу утопического проекта [Lane 2011, 65], который не мог реализоваться линейно и без страдания, как это было описано в историях старых утопий. Негативная, а потому неизбежно подверженная диалектическому снятию утопия, представлена в «Котловане». В конечном итоге пролетарский дом, очевидно, будет построен, похоронив в процессе своего возведения не только безмолвные силы природы и крестьянства, но и свое будущее. Вопросом, на который так и не появилось ответа, остается возможность воскрешения погребенного, Анастасии. Ее имя в переводе с древнегреческого означает «воскресшая», но к этому сюжету мы вернемся в последнем подразделе статьи.

Диалектика отчуждения

Еще одной исключительно философской темой, интересный пример размышления о которой дает повесть «Котлован», является диалектика отчуждения. Вероятно, ни одна серьезная философская традиция не обходилась без рефлексии вокруг отчуждения, после того как в середине XIX в. Карл Маркс обратился к осмыслению сущности человеческой жизни в капиталистическом или современном мире [Ollman 1977, 16–17]. В предыдущем параграфе мы увидели, что Андрей Платонов, как тонко чувствующий социальную реальность художник, без прямого обращения к марксизму осмысливал именно диалектическую природу реализации социалистической утопии. Сам дух времени, пропитанный максимами Маркса и Энгельса, знакомил писателя с социальной теорией. В «Котловане» поэтому есть интересная философская рефлексия об отчуждении, даны талантливые художественные воплощения концепта.

Строго говоря, повесть «Котлован» не наследует прямо раскрытию концепта отчуждения в том виде, как он был представлен Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844–1845-х годов». Речь идет о по-настоящему творческом, философском, возможно даже антропологическом понимании феномена. Интересное наблюдение, которое отсылает нас к шпетовскому опыту цельного прочтения и понимания реальности, состоит в том, что сам язык Платонова отчужденный [Неретина, Никольский, Порус

2019, 69], неестественный. Посредством невладения таким языком, его виртуальностью передается неестественность ситуации, в которой находятся герои. Упразднив историю во имя будущего, должен быть упразднен и язык, который был неразрывной частью той истории. Когда этот язык станет естественным, перестанет быть отчужденным, тогда диалектическое отчуждение времени завершится, снятие противоречия станет предметом интеллектуальной критики.

Отчуждение от своей собственной родовой сущности было одной из главных проблем для Маркса. Объективная логика хозяйствования заставляет человека вступать в кооперацию с другими: «В этом “ансамбле”, как выражался К. Маркс, есть и такие отношения, в которые человек вступает не по своей воле. Они втягивают его в себя, и он повинуетя их объективной логике. Логика такова, что человек участвует в них, принимая различные роли, часто выполняя функции, смысл которых далек от человеческой *сущности*, “отчужден” от нее» [Неретина, Никольский, Порус 2019, 178]. Герои Платонова в «Котловане» либо полностью отчуждены от предыдущего царского или капиталистического отчуждения дореволюционной России, которое придавало их жизни видимость смысла, либо буквально принуждены к работам, тем самым отчуждаясь от своей новоприобретенной свободы.

Двойное отчуждение приводит к утрате всякого смысла в жизни, как это происходит с Вошевым. Повесть начинается с того, что Вощева увольняют с «...небольшого механического завода, где он добывал средства для существования. В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда» [Платонов 2000, 21]. Как мы знаем из дальнейшего хода повествования, задумчивость не покинет Вощева, но и не помешает ему выполнять поручения социалистического начальства. Впрочем, само их наличие не придаст его жизни никакого смысла и не даст ответов на те вопросы о смысле, которые его беспокоят.

Так или иначе все повествование «Котлована» выстраивается вокруг разных воплощений отчуждения. Отчуждение от собственности является двигателем коллективизации. Весьма красива метафора отчуждения самой земли: раскулаченных крестьян сплавляют на плоту по реке. Даже земля, которую они обрабатывали, превращая в культурный артефакт посредством отчуждения

своего собственного труда, перестает им принадлежать. Талант инженера Прушевского также отчужден. Процесс творчества как таковой не дарит ему удовольствия, хотя, казалось бы, он строит общепролетарский дом в новом мире. Инженера совершенно неслучайно посещают мысли о самоубийстве. Что-то в его природе подсказывает ему, что он способен лишь интенсифицировать чувство отчуждения своего творчества, увеличивая план котлована и здания. Подобно рабочим-землекопам, в работе он забывается, не находя в ней ни радости, ни экзистенциального смысла.

Колоссальное материальное отчуждение в «Котловане» уравнивается столь же масштабным отчуждением эмоциональным. Собственно, если и говорить о наиболее критичном по отношению к изображению социалистической действительности аспекте в повести, то это будет отсутствие возвращения человека к своей природе. Родовая сущность человека никак не реализуется у героев повествования. У них нет семьи, нет друзей. Друг для друга они отчужденные средства, служащие абстрактной цели. Показателен момент с сестрой инженера Прушевского, которой тот пишет письма, на какие она не имеет возможности ответить из-за колоссальной занятости в семье. По крайней мере таково сообщение повести. На наш взгляд, это тонкая ирония автора. Реальная занятость, которая, как мы знаем, никогда не должна и не может быть таковой, чтобы не оставлять человеку времени для минимального общения с родными, скрывает за собой пустоту. Инженеру и его сестре нечего друг другу сказать в этом новом мире возведенного в абсолют отчуждения.

Продолжая абстрактную логику демонстрации отчуждения, Платонов дарит читателю замечательный пример всеохватности новой негативной диалектики. Крестьяне из деревни подготовили каждый себе гробы. В повести Платонова оказывается, что классы, которые должны быть упразднены, сами понимают и во многом принимают свою судьбу. Как бы это ни было жестоко, но сам Платонов не ставит под сомнение глобальную историческую правоту Революции. Несколько из этих гробов, единственного имущества, которое осталось у деревенских крестьян, забирают рабочие для того, чтобы собственность могла появиться у девочки Анастасии. Из материального воплощения смерти создается жизнь для будущего. Если взглянуть на этот сюжет с позиций философской диалектики, то окажется, что смысл произведен и конструируем. Анастасии нравятся гробы, потому что она может

вдохнуть в них жизнь и смысл своей игрой. Игра эта, отметим, детерминирована идеологическими, пропагандистскими установками [Платонов 2000, 101].

Если герои «Котлована» одиноки и отчуждены от своей родовой сущности, то есть ли у них надежда на преодоление отчуждения? Интересное размышление представляет философ Владимир Порус, предлагая обратиться к экзистенциальной мысли Ясперса, также размышлявшего об отчуждении и его пределах. «Между людьми, находящимися в “пограничных ситуациях”, могут возникнуть подлинно человеческие, “неотчужденные” (курсив мой. – Н. А.) отношения, которые Ясперс называл “экзистенциальной коммуникацией”» [Неретина, Никольский, Порус 2019, 178]. Герои «Котлована», если обратиться к подобной философской оптике, постоянно встречаются с пограничными ситуациями: им страшно, они видят смерть, они виноваты перед другими. Для разумного человека, чье существование поддавалось бы экзистенциальной логике, это должно было привести к некоторому осознанию своего положения: «Становится возможным *пограничное представление* человека, который, достигнув зрелости, всецело опирается на себя самого, человека вспоминающего, ничего не забывающего, живущего из глубочайшего истока, но который все же способен, уверенно принимая решения, действовать и быть деятельным» [Ясперс 2013, 213–214]. Однако ни один из героев «Котлована» не становится таким деятельным осознанным субъектом. Напротив, их забвение и отчужденность от своей рефлексивности нарисованы Платоновым со всей четкостью. Такие, в диалектическом смысле негативные, люди нужны для построения будущей утопии.

Диалектика счастья

Тема счастья является одной из самых интересных в анализируемой нами повести. В сущности, ее философское раскрытие неразрывно связано с нашим предыдущим изложением. Утопическое мышление имеет своей целью построение совершенного мира, где человек не будет испытывать страданий, будет счастлив. Диалектика отчуждения, развитая в мысли Маркса, также является аналитической попыткой определить причины несчастья рабочего класса, а в последовавших интерпретациях марксизма и вообще человеческого существа. Только проведя прогностический анализ ситуации, можно будет впоследствии их преодолеть. Именно в марксистской логике отчуждения и производительного

труда существует вопрос о счастье для героя повести Вощева. На его предположение о том, что он мог бы выдумать что-то для счастья, что ускорило бы работы, администрация дает такой ответ: «Счастье произойдет от материализма, товарищ Вощев, а не от смысла» [Платонов 2000, 62]. Несмотря на то, что отрицание связи счастья и смысла может показаться абсурдным, в сущности, это классическая марксистская установка [Lane 2011, 67].

Общепролетарский дом возводится для будущих поколений, рабочих и сирот, которые будут защищены в нем от непогоды и невзгод внешнего мира. Строительство детерминировано идеей материалистических условий счастья. При этом сами рабочие не имеют доступа к значительным материальным благам. Описания быта в повести показывают скорее всеобщую нехватку или скромность. Впрочем, самое необходимое для поддержания трудоспособного минимума человеческого существования имеется. Критическим аспектом, скорее отображающим несправедливость реализации социалистического проекта, является указание на наличие благ у административных работников. Для целей нашего рассмотрения это не столь важно. Однако и сами обладающие этими материальными благами (пусть и такими простыми, как сливки или сливочное масло [Платонов 2000, 48]), не становятся от этого счастливее.

На самом деле в изображении актуальной действительности вокруг рытья котлована нет никого по-настоящему счастливого. Казалось бы, идея счастья присутствует в ткани повествования как предощущение возможности счастья и благополучия. Но не как традиционное для западного мира, частью которого является и марксистская традиция, представление о счастье. Если кратко формулировать ключевые особенности этого сложного понятия, то мы должны отдавать себе отчет в том, что счастье человека модерна – это реализация в своей собственной деятельности, реализация в профессиональной деятельности, *par excellence*, схваченная Максом Вебером в начале XX в. [Вебер 1990].

Но возможно ли такое счастье в «Котловане»? Ранее мы констатировали, что отчуждение является ключевым нарративным сюжетом, в то время как отчужденный русский язык довершает художественное воздействие смыслов. Базовой предпосылкой самого счастья является неотчуждаемость результатов, которые принадлежат человеку созидающему. В мире повести все наоборот. Ничего не принадлежит никому, и даже созидающие

силы – будь то простые рабочие или инженеры – не ощущают свой вклад в работу. Рытье котлована обезличено, на его дне не может быть оттисков клейм мастеров, какие ставили на камни и кирпичи, из которых возводились средневековые соборы. Героям, не имеющим возможности обрести классическое, пусть и суетное, счастье модерна, предлагается найти счастье в абсурде. Негативная диалектика отчуждения продуктивной способности человека здесь играет злую шутку с персонажами: ни один из них, оставаясь частью старого, не может найти в себе силы стать счастливым в новом мире.

Помимо счастья активной деятельности и жизни, становящихся невозможными на той фазе построения утопии, которую мы наблюдаем глазами Андрея Платонова, в «Котловане» есть мотив перенесения счастья на будущее поколение, персонифицированное в Анастасии. Но могут ли подарить ей новый мир Чиклин, Вошев или Медведь? Парадоксально, но оказывается, что несмотря на все старания, это невозможно. Они могут дать ей физическое тепло и на время уберечь от опасностей большого мира, но научить ее они ничему не могут. Напротив, она знает больше про классовых врагов, чем они сами. Она по-настоящему «новое дитя», ненавидящее в своей наивной вере саму свою мать, считающую ее смерть оправданной. В подтверждение нашего тезиса о тоске по вещам у взрослых героев вспомним, как они обустривают быт Анастасии, даря ей подарки из всеми позабытого старья, делая ей домик из гроба, а из другого гроба создавая хранилище для игрушек. Вошев к концу повести полностью поглощен любовью к вещам, старью. В новом мире для него нет смысла, а смыслы старого мира, отсылающие к материальному наследию и его накоплению, больше недоступны.

Но, может, Платонов думает о другом счастье? О том, которое наступит после завершения общепролетарского дома и построения коммунизма? Есть основания полагать, что герои надеются, что именно Анастасия станет счастлива в новом мире, будет жить в том новом доме, для которого они так старательно готовят котлован. По ходу повествования она умрет от болезни, вызванной, вероятно, ослаблением организма из-за недостатка условий для развития ребенка. Это обстоятельство демонстрирует хрупкость надежд строителей и самого Платонова на простоту достижения счастья новым поколением. Никакого смысла в происходящем нет вообще, если Анастасия умирает. Она умирает, потому что сил остаться в живых у нее нет.

Имеет смысл обратиться к тому, как происходит ее погребение: «В полдень Чиклин начал копать для Нasti специальную могилу. Он рыл ее пятнадцать часов подряд, чтоб она была глубока и в нее не сумел бы проникнуть ни червь, ни корень растения, ни тепло, ни холод, и чтоб ребенка никогда не побеспокоил шум жизни с поверхности земли. Гробовое ложе Чиклин выдолбил в вечном камне и приготовил еще особую, в виде крышки, гранитную плиту, дабы на девочку не лег громадный вес могильного праха» [Платонов 2000, 115]. Имя Анастасия происходит от древнегреческого слова ἀνάστασις, буквально означавшего «поднятие с места», которое в новозаветной традиции приобрело значение «восстания из мертвых», «воскресения» [Вейсман 2011, 99]. Имя девочки выбрано не случайно, о чем писали многие исследователи творчества Платонова, обосновывая его трагический оптимизм. Для нас оно важно в контексте особого обряда погребения, которое дарит Нaste рабочий Чиклин. В его отчужденном труде ее тело сохранится, подобно телу Ленина, для воскрешения, которое одно только и способно вернуть справедливость этому миру, а вместе с ней и надежду на счастье [Wachtel 1992, 264, 269].

Похоже, что сегодня мы уже не верим в воскрешение Анастасии, выбирая иные стратегии прорабатывания исторических травм, восстанавливая справедливость и душевное спокойствие памятью о страданиях прошлых поколений. В философском смысле, память о том, кому ты обязан, не всегда эквивалентна возвращению долга. Иоганн Петер Хебель, немецкий писатель, создал замечательную рождественскую историю о шахтере, которого завалило скальной породой, но «...когда спустя пятьдесят лет часть этой шахты обрушилась, был найден труп молодого рабочего – полностью сохранившийся. <...> Сначала его никто не узнает, поскольку все его родственники уже умерли, но потом одна седая старуха с костылями, его бывшая невеста, приходит посмотреть на тело и тут же опознает его. Она участвует в похоронах – “словно бы это была ее свадьба”, а когда тело опускают в могилу, она, прощаясь, говорит: “Спи спокойно еще один день. <...> Мне осталось лишь завершить свои дела, и вскоре я присоединюсь к тебе, скоро наступит рассвет”» [Жижек, Руда, Хамза 2019, 24]. Возможно, с той глубины захоронения нетленному рабочему и Анастасии будут лучше видны перспективы будущего, о которых так хочет всерьез мыслить Андрей Платонов: «А из провала, из ямы, из котлована (хоть и страшного – как у Андрея

Платонова) звезды видней, они видны даже среди белого дня» [Кантор 2017, 407].

Заключение

Андрей Платонов, безусловно, один из крупнейших и наиболее интересных русских прозаиков XX в. Его часто ставят в один ряд с другим замечательным писателем советского времени, Варламом Шаламовым: «Философская антропология, вплавленная в “большую прозу” Платонова и “колымскую прозу Шаламова”, является не отвлеченной концептуальной конструкцией, а частью и продолжением жизненного контекста, в котором осуществлялась судьба писателей» [Неретина, Никольский, Порус 2019, 8–9]. Безусловно, это продуктивная стратегия исследования, но с нашей точки зрения, философская проза Платонова отличается от работ Шаламова. При всем незаурядном таланте последнего его проза действительно преимущественно вдохновлена ужасом пережитого.

Повести и рассказы же Андрея Платонова, в особенности «Котлован», как мы показали, обращаются к философским сюжетам. В них, в отличие от «Колымских рассказов», есть надежда и отводится место мечте. Пусть и опосредованно, но Андрей Платонов мыслил о будущем утопии, о реальности и человеческом счастье в их диалектическом отношении с отчуждением, присущим человеческой жизни. Подобно героине «Котлована» Анастасии, он был пропитан гипер-интеллектуализированной советской пропагандой, которую, будучи взрослым и талантливым человеком, соотносил с реальностью и выносил свое критическое суждение. Его литература – про пределы социалистического человека и его судьбу.

Мы вычленили по меньшей мере три основных стратегии философского «чтения» Платонова, которые считаем продуктивными для поддержания жизни в повести «Котлован»: это утопическое мышление, проблематика отчуждения и вопрос о смысле жизни, увязанный с возможностью достижения счастья. Вероятно, то, насколько правдивы наши выводы, покажет время. Если Андрей Платонов писал только о противоречивом человеке послереволюционной России, то со временем его работы станут только предметом интереса для специалистов, утратят жизненную энергию. Эпоха сменится, и для будущего читателя перестанет представлять интерес социалистическая стройка. Наша задача,

проистекающая из глубокой уверенности в верности утверждения о роли и масштабе творчества Платонова, состоит в том, чтобы показать, что Платонова можно и нужно читать вне исторического и полемического контекста. Это не отменяет иных подходов к анализу, но добавляет еще один. Только тогда его глубокое вопрошание, созвучное философии рубежа XIX и XX вв., сможет найти своего читателя. В конце концов, Андрей Платонов, с нашей точки зрения, – это часть особой русской философской традиции [Сиземская 2010].

История шахтера, приведенная нами выше, чудесно напоминает возможное будущее Анастасии из произведений Андрея Платонова. Если ей не суждено воскреснуть, то, допустим, мы сможем оказаться рядом с ней, попытаться понять, как, в сущности, возможно помыслить утопию и счастье в нашем мире отчуждения. Платонова, безусловно, можно читать как критика советского строя. Это оправдано, но как каждый большой писатель, к которому он безусловно принадлежит [Кантор 2017, 10], он не привязан полностью к хронотопу своей эпохи. Мы постарались показать, что читать Платонова можно и философски, так, чтобы это чтение в отчуждении от современности писателя и отчужденном языке вводило человека в проблематику радикального мышления, мечтаний [Тульчинский 2019, 255] об утопии, превращающихся в антиутопию, а также о счастье и справедливости.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Афанасов 2018 – *Афанасов Н.Б.* К пониманию социального мира (размышление над книгой) // Вопросы философии. 2018. № 4. С. 100–110.

Вайсман 2019 – *Вайсман Дж.* Времени в обрест: ускорение жизни при цифровом капитализме. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

Вебер 1990 – *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

Вьюгин 2000 – *Вьюгин В.Ю.* Повесть «Котлован» в контексте творчества Андрея Платонова // *Платонов А.* Котлован. Текст, материалы творческой истории. – СПб: Наука, 2000. С. 5–18.

Жижек, Руда, Хамза 2019 – *Жижек С., Руда Ф., Хамза А.* Читать Маркса. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2019.

Кантор 2017 – *Кантор В.К.* Изображая, понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном тексте. – М.; СПб.: ЦГИ Принт, 2017.

Морозов 2019 – *Морозов А.* Животное, которым я (не) являюсь // *Логос.* 2019. № 6. С. 309–330.

Неретина, Никольский, Порус 2019 – *Неретина С.С., Никольский С.А., Порус В.Н.* Философская антропология Андрея Платонова. – М.: ИФ РАН, 2019.

Платонов 2000 – *Платонов А.* Котлован. Текст, материалы творческой истории. – СПб: Наука, 2000.

Пружинин, Щедрина 2019 – *Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г.* От редакторов // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лапло-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / под ред. Т.Г. Щединой и Б.И. Пружинина. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 5–13.

Сиземская 2010 – *Сиземская И.Н.* О внутреннем согласии русской философии и литературы // *Философия и культура.* 2010. № 5. С. 79–86.

Тульчинский 2019 – *Тульчинский Г.Л.* Смертельная героика нестерпимой мечты // *Размышляя о Платонове* / под ред. С.А. Никольского. – М.: Голос, 2019. С. 251–273.

Франк 1996 – *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996.

Шпет 1994 – *Шпет Г.Г.* Сознание и его собственник // *Шпет Г.Г.* Философские этюды. – М.: Прогресс, 1994. С. 8–50.

Щедрина 2016 – *Щедрина Т.Г.* Вместо предисловия // *Шпет Г.Г.* История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Часть вторая. Архивные материалы. Реконструкция Татьяны Щединой / отв. ред.-сост., вступ. статья, реконструкция Т.Г. Щедрина; археограф. работа Т.Г. Щедрина, И.О. Щедрина. – М.; СПб.: Университетская книга, 2016. С. 7–12.

Ясперс 2013 – *Ясперс К.* Разум и экзистенция. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013.

Boldyrev 1994 – *Boldyrev I.A.* Concerning the National Uniqueness of Russian Philosophy // *Metaphilosophy.* 1994. Vol. 25. No. 2/3. P. 138–142.

Coleman 2014 – *Coleman N.* The Problematic of Architecture and Utopia // *Utopian Studies.* 2014. Vol. 25. No. 1. P. 1–22.

Lane 2011 – *Lane T.* A Groundless Foundation Pit // *Urbandus Review.* 2011. Vol. 14. P. 61–75.

Ollman 1977 – *Ollman B.* Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Sechaff 1960 – *Schaff A.* Marxist Dialectics and the Principle of Contradiction // *The Journal of Philosophy.* 1960. Vol. 57. No. 7. P. 241–250.

Seifrid 2009 – *Seifrid T.* A Companion to Andrei Platonov's *The Foundation Pit.* – Boston: Academic Studies Press, 2009.

Wachtel 1992 – *Wachtel A. Resurrection à la Russe: Tolstoy's The Living Corpse as Cultural Paradigm* // Publications of the Modern Language Association of America. 1992. Vol. 107. No. 2. P. 261–273.

REFERENCES

Afanasov N.B. (2018) On the Understanding of Social World's Status (Reflections on the Book). *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 100–110 (in Russian).

Boldyrev I.A. (1994) Concerning the National Uniqueness of Russian Philosophy. *Metaphilosophy*. Vol. 25, no. 2/3, pp. 138–142.

Coleman N. (2014) The Problematic of Architecture and Utopia. *Utopian Studies*. Vol. 25, no. 1, pp. 1–22.

Frank S.L. (1996) *Russian Worldview*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Kantor V.K. (2017) *Representing to Understand, or Sententia sensa: Philosophy in the Literary Context*. Moscow; Saint Petersburg: CGI Print (in Russian).

Lane T. (2011) A Groundless Foundation Pit. *Ulbandus Review*. Vol. 14, pp. 61–75.

Morozov A.V. (2019) The Animal That Therefore I Am (Not): Marx as Subjectivity Theorist. *Logos*. Vol. 29, no. 6, pp. 309–330 (in Russian).

Neretina S.S., Nickolsky S.A., & Porus V.N. (2019) *Philosophical Anthropology of Andrei Platonov*. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ollman B. (1997) *Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society*. Cambridge: Cambridge University Press.

Platonov A. (2000) *The Foundation Pit. Text, Materials on the Creating's Histoty*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Pruzhinin B.I. & Shchedrina T.G. (2019) From the Editors. In: Schedrina T. & Pruzhinin B. (Eds.) *Methodology of History: N.I. Kareev, A.S. Laplo-Danilevsky, D.M. Petryshesvyky, V.M. Khvostov* (pp. 5–13). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya (in Russian).

Schaff A. (1960) Marxist Dialectics and the Principle of Contradiction. *The Journal of Philosophy*. Vol. 57, no. 7, pp. 241–250.

Seifrid T. (2009) *A Companion to Andrei Platonov's The Foundation Pit*. Boston: Academic Studies Press.

Shchedrina T.G. (2016) Instead of Preface. In: Shpet G.G. *History as a Problem of Logic: Critical and Methodological Research. Part two. Archive Materials* (pp. 7–12). Moscow: University Book (in Russian).

Shpet G.G. (1994) Consciousness and Its Owner. In: Shpet G.G. *Philosophical Etudes* (pp. 8–50). Moscow: Progress (in Russian).

Sizemskaya I.N. (2010) On the Inner Harmony of Russian Philosophy. *Filosofiya i kul'tura*. No. 5, pp. 79–86 (in Russian).

Tulchinskii G.L. (2019) Deadly Heroic Spirit of Intolerable Dream. In: Nickolsky S.A. (Ed.) *Reflecting on Platonov* (pp. 251–273). Moscow: Golos (in Russian).

Vyugin V.Yu. (2000) *The Foundation Pit* Novel in the Context of Andrei's Platonov Works. In: Platonov A. *The Foundation Pit. Text, Materials on the Creating's Histoty* (pp. 5–18). Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Wachtel A. (1992) Resurrection à la Russe: Tolstoy's The Living Corpse as Cultural Paradigm. *Publications of the Modern Language Association of America*. Vol. 107, no. 2, pp. 261–273.

Wajcman J. (2015) *Pressed for Time: The Acceleration of Life in Digital Capitalism*. Chicago: University of Chicago Press (Russian translation: Moscow: Delo, 2019).

Weber M. (1990) *Science as a Vocation*. Moscow: Progress (Russian translation).

Yaspers K. (2013) *Reason and Existenz*, Moscow: Kanon+ “Reabilitatsiya” (Russian translation).

Žižek S., Ruda F., & Hamsa A. (2018) *Reading Marx*. Medford, MA: Polity (Russian translation: Moscow: HSE Publishing House, 2019).